

А. А. Корнилов

СВОЕОБРАЗИЕ ДИПЛОМАТИИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В ОТНОШЕНИЯХ С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В XX СТОЛЕТИИ

Статья представляет собой отзыв на книгу, рассматривающую проблемы церковной дипломатии в XX веке: *Мазырин А., свящ., Кострюков А. А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 376 с. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / редкол.: прот. В. Воробьев (гл. ред.) и др.).

Ключевые слова: церковная дипломатия, Константинопольская Церковь, Русская Православная Церковь, автокефалия, Фанар, церковная диаспора, Вселенский Престол, патриархия.

Полемика по вопросам истории Русской Церкви в XX столетии по-прежнему выступает заметным явлением жизни духовных школ и научно-церковных изданий современной России. Примером живого обсуждения проблем церковной истории стала монография научных сотрудников московского Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), посвященная слабо изученным аспектам церковной дипломатии двух Поместных Церквей — Константинопольской и Русской [Мазырин, Кострюков, 2017]. Учитывая, какое значение приобрели отношения двух Церквей в 2010-е гг. в связи с вопросом украинской автокефалии, да и отношения в «поместном треугольнике» Элладская-Сербская-Болгарская Церкви, ввиду возможной поддержки Вселенским Патриархом автокефальных устремлений македонцев, тема, взятая для исследования, представляется необычайно актуальной и практически значимой. Тема эта имеет, во-первых, чисто академическое значение, поскольку церковная дипломатия есть константа международно-политических и межцерковных процессов. Во-вторых, как совершенно справедливо пишет один из авторов книги, указывая на Фанар и его политические флуктуации, «нужно хорошо представлять, с кем приходится иметь дело».

Авторы книги — широко известные церковные историки, опубликовавшие целый ряд ценнейших исследований (монографического жанра и в форме статей) в области новейшей истории Русской Православной Церкви. Профессор ПСТГУ, доктор церковной истории священник Александр Мазырин является признанным специалистом по истории Русской Православной Церкви периода гонений, истории подвига святых новомучеников и исповедников и анализа внутрицерковных нестроений периода 1920–1930-х гг. [Мазырин, 2006]. Ведущий научный сотрудник ПСТГУ, доктор исторических наук Андрей Александрович Кострюков известен прежде всего, хотя не только этим, масштабными, прекрасно фундированными исследованиями по истории Русской Зарубежной Церкви [Кострюков, 2011; Кострюков, 2015].

В опубликованной в Издательстве ПСТГУ книге авторитетные историки Церкви не изменили своим традициям. Благодаря их труду читателю сообщается новое историческое знание о сложной палитре взаимоотношений двух Поместных Церквей

Александр Алексеевич Корнилов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский национальный исследовательский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (kotva64@mail.ru).

в период, когда Русская Православная Церковь подвергалась беспощадным испытаниям и гонениям, когда, казалось, поколебались сами фундаментальные начала существования и жизни мистического Тела Христова.

Первый раздел книги содержит материалы под общим и весьма характерным названием «Фанар и обновленчество против Русской Православной Церкви». Автор раздела, опираясь на оригинальные документы — опубликованные и неопубликованные, русскоязычные и на греческом языке, — раскрывает саму суть (прискорбно, но откровенно циничную суть) и приоритетные направления публичной и закулисной дипломатии церковного Константинополя в отношении нашей Церкви. Эту суть автор характеризует, в частности, следующими словами: «Вселенский Престол руководствовался в своей российской политике не столько межцерковной солидарностью, сколько собственными прагматическими интересами». Названные «прагматические интересы» вели, как утверждает и аргументирует это о. Александр на страницах книги, к одной лишь цели: Фанар стремился к сохранению первенства не только чести, но и власти в православном мире.

Читатель может познакомиться с одним из проектов создания в Константинополе (Стамбуле) некоего высшего церковного совета из представителей всех Православных Церквей. Этот совет, по замыслу фанариотов, под руководством Вселенского патриарха, должен был осуществлять надзор за мировым православием; «от русских же они ждали подчинения» [Мазырин, Кострюков, 2017, 19], ведь Русская Православная Церковь, гонимая атеистической властью, на глазах теряла свое былое могущество. Политика патр. Мелетия (Метаксакиса) стала ярким примером проведения планов экспансии в жизнь. Весомым доказательством, который приводится в книге, стал томос 1922 г. о праве Константинополя на «непосредственный надзор и управление всеми, без исключения, православными приходами, находящимися вне пределов поместных Православных Церквей, в Европе, Америке и других местах».

Инструментами вышеобозначенной стратегии Фанара оказались такие меры, как:

1) поддержка автокефалистских амбиций в Польше, Финляндии и на некоторых других территориях бывшей Российской империи и канонической территории Русской Церкви;

2) взаимодействие константинопольских предстоятелей с той властью, которая вела беспрецедентные гонения на Русскую Православную Церковь, стремясь к ее уничтожению [Кривова, 1997]. Здесь следует заметить, что признание СССР со стороны Константинопольского Патриархата шло «рука об руку» с т. н. «полосой признания» власти Советов странами Запада;

3) очевидная поддержка обновленческого церковного раскола в России (СССР);

4) переменчивая, если не сказать более, позиция Фанара в отношении патриарха Тихона и самого института патриаршества Русской Православной Церкви. Мы наблюдаем здесь то одобрение, то несогласие с курсом (вплоть до объявления о низвержении) святителя Тихона в отношении атеистической власти и раскольников-обновленцев.

Удивительно, но в книге мы читаем достойные сожаления исторические факты вмешательства Константинопольского Патриархата в дела братской Российской Церкви, переживавшей обновленческий раскол. Не каноническое право, а прагматика, вновь убежден автор раздела о. Александр, лежала в основе международной позиции Вселенского патриарха и его Синода. Конкретные персоналии, а именно: представители Константинопольского Патриархата в Москве архимандриты и родственники Иаков и Василий (Димопуло), реализовали множество тех мероприятий Фанара, которые священник Александр Мазырин назвал «каноническими бесчинствами».

Изучая канву драматических событий XX столетия, мы все же задаемся вопросом: какие факторы оказали влияние на весьма изменчивую позицию Константинопольской Церкви? Мы согласимся с авторами книги и предлагаем учитывать гамму факторов, среди которых следует назвать следующие:

– международная ориентация Константинопольских патриархов на политику западных держав, в первую очередь Великобритании;

- лавирование Фанара между позициями Поместных Церквей;
- определенная зависимость материального состояния Патриархии и ее приходов от намерений и политики турецкого (кемалистского) правительства.

Перемены во взаимоотношениях Константинопольского Патриархата и Русской Православной Церкви наступили лишь в период Второй мировой войны. Сталинская политика поддержки международной деятельности Русской Православной Церкви (которая имела, конечно, не каноническую, а глубокую геополитическую основу) и финансовая помощь Восточным Поместным Церквям, по мнению автора раздела, заставила Вселенского патриарха пересмотреть отношение к церковной Москве. В книге приводятся многочисленные документальные свидетельства резкой переориентации Константинополя от раскольников на Патриаршую Церковь в СССР. Однако эта переориентация не повлияла на стратегию Фанара. О. Александр идет дальше в своем изучении причин потепления отношений Константинопольского Патриархата и Русской Православной Церкви. Он убежден, что в основе дипломатии Вселенского патриарха по-прежнему лежало стремление не допустить усиления международного авторитета Русской Церкви. Патр. Афинагор (Спиру) откровенно заявил генконсулу США в Стамбуле, что краеугольным камнем своей деятельности видит «продвижение американских идеалов». В силу вышесказанного представляется обоснованным вывод о. Александра о том, что Фанар дискредитировал себя своей политикой в отношении Русской Православной Церкви и утратил прежний высокий статус в решении вопросов мирового православия.

Отношения русской церковной эмиграции и Вселенского Престола — этому вопросу посвящен второй раздел книги (автор — д.и.н. А. А. Кострюков) — развивались непросто и противоречиво. В 1920-е гг. русские эмигранты остро нуждались в поддержке Константинополя, в частности, в вопросах легитимации своего служения за пределами России, в вопросах управления церковной диаспорой и церковного имущества. Однако со временем, под влиянием обновленческого раскола и умелых действий советской дипломатии и спецслужб, Вселенский Престол начал менять свое отношение к эмигрантскому Высшему Церковному Управлению и затем Зарубежному Архиерейскому Синоду. А. А. Кострюков видит причину изменений также в том обстоятельстве, что «в результате временных поражений турок в ходе греко-турецкой войны шовинизм греков резко возрос». Константинопольские иерархи мечтали о широчайших церковных полномочиях.

Конфликт двух церковных объединений нарастал и вылился в открытую форму применительно к следующим вопросам взаимного интереса. Фанар перестал пускать русских монахов и паломников на Афон. Это положение продолжалось до второй половины 1970-х гг., результатом стала утрата Русской Православной Церковью ряда монастырей и ослабление позиций Церкви Русской на Святой Горе в пользу греков. Далее, патр. Мелетий и его преемники последовательно поддерживали автокефалистов в Польше, Финляндии, на Украине и в Прибалтике. В книге приводится следующий вопиющий факт попрания канонов. Патр. Мелетий 6 июля 1923 г. утвердил автономную Финляндскую Церковь в своей юрисдикции. При этом он не спросил ни о чем патриарха Тихона и его Синод, которые даровали названную автономию. Это было фактическое изъятие части РПЦ. В предстоятели Финляндской Церкви был рукоположен вдовый протоиерей, даже без пострига в монашество.

Драматизм конфликтных отношений нарастал, и А. А. Кострюков обращает внимание читателя на то, что Фанар ограничивал права даже устойчивого эллинофила, возглавителя Зарубежного Синода митр. Антония (Храповицкого), традиционно признававшего судейскую (арбитражную) роль Константинополя в мировом православии. Митрополит был лишен должности экзарха Константинопольского Патриархата в Подкарпатской Руси [Мазырин, Кострюков, 2017, 264]. В 1924 г. Вселенский патриарх попытался ввести тотальный административный контроль над всей русской церковной диаспорой. Все это — не пустые декларации автора раздела, за каждым утверждением стоит конкретный документ, подлинный исторический источник. И список

этих документов, свидетельствующих о мировых притязаниях Константинопольского Патриархата, о прямом давлении Вселенского патриарха на РПЦЗ и на другие Поместные Церкви в связи с существованием Зарубежного Синода и его приходов, продолжает увеличиваться на протяжении всего раздела книги.

Ради справедливости следует указать на то, что все-таки Константинопольская Церковь оказывала определенную моральную поддержку РПЦЗ. В частности, это выразилось в публичной поддержке патр. Тихона и — в период холодной войны — в осуждении атеистической политики СССР. Необходимо, однако, подчеркнуть, что именно в годы глобального противостояния СССР и США произошло постепенное ухудшение отношений двух церковных полюсов. Ввиду откровенного курса патр. Афинагора на сближение с католическим миром, его согласия на взаимное снятие анафем в 1965 г. и прочих его крайне экуменических шагов, РПЦЗ при митр. Филарете (Вознесенском) стала обличать Константинопольский Патриархат (вспомним знаменитые «скорбные послания» митрополита), и отношения фактически сошли на нет.

При чтении текста, насыщенного интересными фактами на основе источников, часто впервые введенных в научный оборот, у читателя возникают вопросы: откуда, по каким причинам так возросла глобальная активность Вселенского Престола? В чем истоки этих притязаний на каноническую территорию других Поместных Церквей и на православные церковные диаспоры? Откуда у Фанара, занимающего крошечную территорию в Стамбуле, в XX в. появились такие огромные епархии в Западной Европе и Северной Америке?

Мы находим в тексте, по крайней мере, два ответа. Прежде всего, А. А. Кострюков видит два концептуальных подхода к церковному устройству на протяжении XX в. Сторонники первенства Константинополя (о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейендорф) выдвигали и защищали т. н. территориальный (поместный) принцип устройства церковной жизни. Противники этого подхода в лоне Зарубежной Церкви (еп. Нафанаил (Львов), о. Георгий Граббе, о. Михаил Помазанский) отстаивали и поддерживали национальный принцип. В первом случае Константинополь на основании первенства чести мог управлять церковными диаспорами любого происхождения. Во втором случае РПЦЗ создавала и окормляла приходы на этнической основе, находятся ли они в Европе, Южной Америке или Австралии.

Второй ответ на поставленные вопросы скрывался в конкретной международной ориентации Вселенских патриархов. Если в 1920-е гг. державой-покровительницей Фанара выступала Великобритания, то после Второй мировой войны это место заняли США. Не случайно, утверждает А. А. Кострюков, подготовка к выборам патриархом Афинагора, бывшего тогда архиепископом Константинопольского Патриархата на американском континенте, велась при помощи государственного департамента США. А вопрос допуска или недопуска русских монахов на Афон Вселенский патриарх согласовывал с государственным секретарем США. Увы, все это, безусловно, снижало авторитет Константинопольского Престола как международного судии в межправославных отношениях.

«К сожалению, — делает вывод А. А. Кострюков, — приходится констатировать, что Фанар своими претензиями на всемирную юрисдикцию, крайним экуменизмом, пренебрежением к канонам и сопутствующими интригами на самом деле не столько приобрел, сколько потерял. Ведь фактическая утрата приобретенного веками статуса флагамена православия стала следствием именно такой политики» [Мазырин, Кострюков, 2017, 361].

Книга написана красноречивым языком, в аргументированном стиле, опирается на документы, в том числе архивные, выявленные и переведенные авторами на русский язык. Историкографическая база труда включает прежние и современные исследования отечественных и зарубежных авторов.

В порядке полемики по отраженным в книге вопросам хотелось бы высказать ряд пожеланий. Нам представляется, что авторы предпринятого исследования могли бы более детально остановиться на характеристике источников и историографии.

Это можно было сделать либо в специальной главе, либо составить для наглядности список таковых. Ведь источниковая и историографическая база книги более чем убедительная. Возможно, книга заслуживает раздела выводов, и для этого целесообразно было бы создать в конце книги «Заключение». В текст также просится «Хронология» основных событий. В то же время книга снабжена ценным указателем имен и вкладками, где размещены исторические фотоматериалы, а высказанные предложения могут быть учтены авторами при трансформации опубликованной книги в учебное или учебно-методическое пособие для учащихся богословских вузов и факультетов.

Книга «Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке» состоялась как творческое научное исследование по современной истории Русской Церкви. Текст хорошо читается, он будет не только полезен специалистам по церковной истории, но интересен широкому кругу читателей, стремящихся глубже понять механизмы процессов, имеющих место быть внутри Русской Православной Церкви и далеко за ее пределами в историческом континууме. Хотелось бы надеяться, что поднятые в исследовании свящ. Александра Мазырина и доктора наук А. А. Кострюкова проблемы обретут качественно новый ракурс и породят свежие формы дискуссий, которые, в свою очередь, послужат мощным импульсом к открытию еще не разгаданных явлений новейшей истории Русской Православной Церкви.

Источники и литература

1. Кострюков (2011) — *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М.: ПСТГУ, 2011. 624 с.
2. Кострюков (2015) — *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: ПСТГУ, 2015. 488 с.
3. Кривова (1997) — *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: Аиро ХХ, 1997. 248 с.
4. Мазырин (2006) — *Мазырин А., свящ.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах / науч. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 442 с.
5. Мазырин (2017) — *Мазырин А., свящ., Кострюков А. А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 376 с. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / редкол.: прот. В. Воробьев (гл. ред.) и др.).

Aleksandr Kornilov. Originality of Diplomacy of the Constantinople Church in its Relations With the Russian Orthodox Church in the 20th Century.

Abstract: The article is a review on the book that deals with issues of the Church diplomacy in the 20th century: Mazyrin A., priest, Kostryukov A. A. *Iz istorii vzaimootnosheniya Russkoy i Konstantinopol'skoy Tserkvey v XX veke* [From the history of relations between the Russian and Constantinople Churches in the 20th century]. Moscow: PSTGU Publ., 2017. 376 p. (Materialy po noveyshey istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Materials on the newest history of the Russian Orthodox Church]. Ed. by archpriest V. Vorob'yev et al.).

Keywords: Church diplomacy, Church of Constantinople, Russian Orthodox Church, autocephaly, Phanar, church diaspora, Ecumenical Throne, patriarchy.

Aleksandr Alekseevich Kornilov — Doctor of Sciences, Professor, Head, Chair of Regional Studies of Foreign Countries and Local History, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (kotva64@mail.ru).

Sources and References

1. Kostryukov (2011) — Kostryukov A. A. *Russkaya Zarubezhnaya Tserkov' v 1925–1938 gg. Yurisdiktsionnyye konflikty i otnosheniya s moskovskoy tserkovnoy vlast'yu* [Russian Church Abroad in 1925–1938. Jurisdictional conflicts and relations with the Moscow Church authorities]. Moscow: PSTGU Publ., 2011, 624 p.
2. Kostryukov (2015) — Kostryukov A. A. *Russkaya Zarubezhnaya Tserkov' v 1939–1964 gg. Administrativnoye ustroystvo i otnosheniya s Tserkov'yu v Otechestve* [Russian Church Abroad in 1939–1964. Administrative structure and relations with the Church in the Fatherland]. Moscow: PSTGU Publ., 2015, 488 p.
3. Krivova (1997) — Krivova N. A. *Vlast' i Tserkov' v 1922–1925 gg.: Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnyye tsennosti i politicheskoye podchineniye dukhovenstva* [Authority and the Church in 1922–1925: Politburo and GPU in the struggle for Church values and political subordination of the clergy]. Moscow: Airo XX, 1997, 248 p.
4. Mazyrin (2006) — Mazyrin A., priest. *Vysshiye iyerarkhi o preyemstve vlasti v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1920–1930-kh godakh* [Top hierarchs on the succession of power in the Russian Orthodox Church in 1920s — 1930s]. Ed. by archpriest V. Vorob'yev. Moscow: PSTGU Publ., 2006, 442 p.
5. Mazyrin, Kostryukov (2017) — Mazyrin A., priest, Kostryukov A. A. *Iz istorii vzaimootnosheniy Russkoy i Konstantinopol'skoy Tserkvey v XX veke* [From the history of relations between the Russian and Constantinople Churches in the 20th century]. Moscow: PSTGU Publ., 2017, 376 p. (*Materialy po noveyshey istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Materials on the newest history of the Russian Orthodox Church]. Ed. by archpriest V. Vorob'yev et al.).